

ВЛАДИМИР
АЛЕННИКОВ

ОЧЕНЬ ТИХИЙ
ГОРОДОК

Авторская серия Владимира Аленикова

Владимир Алеников

Очень тихий городок

«РИПОЛ Классик»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алеников В. М.

Очень тихий городок / В. М. Алеников — «РИПОЛ Классик»,
2020 — (Авторская серия Владимира Аленикова)

ISBN 978-5-386-13562-1

Новый роман мастера «Очень тихий городок» представляет собой густой замес из трёх жанров – триллера, детектива и хоррора. Читателя ждёт захватывающая история из жизни золотой молодёжи, живущей в лесном городке Приозёрске на берегу живописного озера Красавица. Алеников вновь доказывает, что он не только блестящий режиссёр, но и талантливый писатель, обладающий даром привлекать читательское внимание. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-13562-1

© Алеников В. М., 2020
© РИПОЛ Классик, 2020

Содержание

Несколько слов для читателя	6
Пролог. Конюшни	7
1. Инвалид	9
2. Новичок	15
3. Котлетная	21
4. Разъезд	25
5. Перепих	29
6. Драка	31
7. Сумерки	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

В. М. Алеников

Очень тихий городок

Авторская серия Владимира Аленикова

© Алеников В. М., 2020

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020

* * *

Несколько слов для читателя

Дорогой мой читатель!

Если ты следуешь за мной, а вернее, за моими историями, то, полагаю, ты вполне подготовлен к тому, чтобы посетить один очень тихий, прелестный городок. От души желаю тебе спланировать провести время в этом замечательно красивом месте. И пусть в нелёгкую минуту (если таковая случится!) тебя поддержит и утешил мысль о том, что всё нижеизложенное – на самом деле не более как плод разнузданной авторской фантазии.

Очень надеюсь встретиться с тобой, живым и невидимым, по окончании моей следующей книги, работа над которой уже идёт. В противном случае она, как ты понимаешь, будет лишена всякого смысла.

Заодно хочу воспользоваться возможностью и выразить свою благодарность моему сыну, сценаристу и кинорежиссёру Филиппу Волкену, с которым мы вместе написали сценарий на сходную тему, что, безусловно, весьма помогло мне в работе над книгой.

И, разумеется, я крайне принателен издательству «РИПОЛ Классик» и его генеральному директору Сергею Макаренкову за идею издания этой серии книг, открывающейся «Очень тихим городком».

А теперь, дорогой читатель, до новых встреч и удачного тебе пребывания в Приозёрске!

Твой Владимир Алеников

«Папаня выпучил глаза и всей пятерней почесал заросший жёсткой щетиной подбородок. – Это оскорбляет моё чувство реальности, – глубокомысленно произнёс он. – В таком случае тебе лучше застрелиться! – пожал плечами Фил».

Ф. Волкен «Умирающий город»

Пролог. Конюшни

Они уже теперь и сами не понимали, как их занесло в эти заброшенные конюшни. Собственно, конюшнями вереница переходящих друг в друга полуразрушенных сараев называлась по чистому недоразумению, в связи с устоявшейся в этих местах традицией. На самом деле никаких лошадей тут уже по меньшей мере лет сто как не было.

А что было, так это куча прогнивших досок, погнутых шпал, всевозможный мусор, из-под которого высовывались скособоченные ящики и пустые отчего-то сильно воняющие болотом бочки.

Фонарик, как назло, потух. Только луна светила теперь через дыру в разрушенной крыше, прорезала светлую дорожку в окружающей их тьме.

– Это всё из-за тебя! – гневно сказал один.

Ему уже исполнилось тринадцать, он чувствовал себя старше и вёл себя соответственно.

– Это твоя сраная идея!

– При чём здесь я! – обозлился другой, двенадцатилетний. – Ты сам мудак, Пузырь! Ты же точно такую записку получил!

– Тс-с-с! – Первый приложил палец к губам.

Они прислушались.

В звенящей ночной тишине явственно раздался странный металлический щелчок, при звуке которого оба переглянулись. Необъяснимый ужас окатил их всепоглощающей ледяной волной.

– Бежим! – задыхаясь, прошептал второй.

Спотыкаясь, наталкиваясь на бегу на что-то острое и колющее, они бросились прочь.

Мерцающий луч света привёл их к полуоткрытой двери. Они забежали внутрь, оказались в небольшом, заваленном ржавыми инструментами помещении – то ли подсобке, то ли какой-то мастерской. В четыре руки навалились на дверь.

Она поддалась не сразу, но они давили отчаянно, изо всех сил, и дверь в конце концов дрогнула, поехала, захлопнулась с отвратительным скрипом.

Теперь они оказались в полнейшей тьме, только слышали свистящее тяжёлое дыхание друг друга.

– Я здесь не останусь... – тоскливо прошептал один. – Я не могу...

– Заткнись! – прервал его другой.

Из-за закрытой двери донёсся жутковатый звук, напоминающий жужжение огромного шмеля. Он приблизился, застыл на какое-то время на одном месте, потом стал удаляться и неожиданно пропал.

Снова наступила зловещая, сдавливающая горло тишина.

Так прошло очень много времени, а может быть, и очень мало, на самом деле они понятия не имели, как быстро оно идёт. В молчащей липкой тьме всё теряло смысл, привычные понятия становились зыбкими, неверными, а вокруг таилась, подстерегала угроза, запах которой они чувствовали очень остро.

– Жопен! – чуть слышно прошептал первый.

– Что? – не сразу откликнулся другой.

– Я больше не могу! Мне плохо. Давай выйдем отсюда. Там уже никого нет. Давай, а?

Второй молчал, думал.

– Ладно, – через какое-то время пробормотал он. – Пошли!

Они нашупали ручку двери, наткнулись на руки друг друга.

– Ты какой-то мокрый! – брезгливо прошептал первый. – Давай, взяли!
Они рывком потянули дверь на себя. Всё с тем же душераздирающим скрипом она открылась.

Толкаясь, они шагнули вперёд и тут же остановились, замерли, боясь шелохнуться...
Что-то страшное зредо в окружавшей их тишине.

Неожиданно жуткое жужжание раздалось совсем рядом. Они разом вздрогнули.

Б-з-з-з-з-з-з!!!

В тусклом свете сочившегося откуда-то сверху лунного луча блеснули две пары распахнутых в отчаянном ужасе глаз.

1. Инвалид

На стене висел отрывной календарь, их опять стали ностальгически выпускать в последние годы, как когда-то, в прежние времена. Чья-то рука резко оторвала вчерашнюю страницу, скомкала, бросила её в мусорную корзинку.

Палец привычно пробежался по новой открывшейся странице, выискивая нужную информацию. Ткнулся в искомые строки:

ГОРОСКОП. СКОРПИОН. Воскресенье.

В нынешнее воскресенье Скорпион должен больше доверять своей интуиции. Ваши инстинкты вас не подведут, доверьтесь им, вы окажетесь на правильном пути.

Тихий городок Приозёрск расположился в самой глубинке на юге страны, в Святопольском районе, у озера Красавица, откуда и получил когда-то своё название. Бесконечные задумчивые леса окружали это маленькое спокойное озеро.

Впрочем, несмотря на красоту, вода в озере была загрязнена каким-то режимным заводом, расположенным на другой, противоположной от города стороне и в течение десятилетий сливавшим в Красавицу все свои отходы. Так что постепенно рыба в озере почти вся перевелась, если кто и вылавливал худосочного окунька, то считалось это большим событием. Местные жители купаться здесь воздерживались: считалось, что в воде этой можно заразу подхватить, а то и ещё хуже – какую-нибудь болезнь неизлечимую. Правда, мэр в «Приозёрских новостях» красноречиво объяснял, что с водой всё в порядке, недавно, мол, приезжали специалисты, брали пробы, всё в пределах нормы. Однако же факт оставался фактом: рыбы стало намного меньше.

В общем, никто толком ничего не знал, но так уж повелось, что взрослые, несмотря на уверения мэра, вообще не лезли в воду, а пацанва и подавно предпочитала ездить на велосипедах на пруд – хоть вода слегка и пованивает, но зато потеплее и как-то поуютней, что ли.

Городок вытянулся вдоль северного берега Красавицы. По сути и городком-то Приозёрск стал недавно, в прежние годы считался посёлком городского типа. Ничем особым примечателен тогда не был – невзрачные серые здания, несобранный мусор, стаи голодных собак в поисках еды.

Однако же перемены девяностых в конце концов докатились и сюда. Новые русские, открыв для себя живописное местечко, стали бурно скупать здешнюю землю, сносить старые дома, строить новые, к тому же самой причудливой архитектуры, кто во что горазд.

Причём если поначалу они планировали использовать Приозёрск исключительно как дачное место, то впоследствии многие, рассудив, что для собственного их бизнеса и личного времяпрепровождения куда сподручнее растить подрастающее поколение вдали от шумного, полного всяческих соблазнов большого города, оставили тут своих детей с жёнами и мамками-бабками. Сами же наезжали навестить чадо, как правило, раз в две недели, а то и того реже.

С удовольствием оседали здесь и кавказцы, и братья-славяне, разными ветрами занесённые в эти благодатные места после распада Союза. Короче говоря, всякий, кто бы ни попал сюда, старался всячески зацепиться, пустить корни, редко кто уезжал с тем, чтобы вскорости не вернуться опять.

Древний Приозёрск быстро преображался, чему способствовало и бурное развитие заново открытой деревообрабатывающей фабрики, купленной каким-то голландцем Ван Ховеном, предки которого якобы были родом из Святопольска. Доподлинно этого никто не знал, равно как и самого Ван Ховена приозёрские в глаза никогда не видели. Городок, однако же, рос, в последнее десятилетие население его увеличилось чуть ли не вдвое.

Под руководством избранного уже на третий срок мэра несколько в стороне от города была построена новая просторная двухэтажная школа. Опять же на отшибе, поскольку в центре места уже не осталось, открылся трёхзальный кинотеатр «Берёзка», где теперь регулярно шли как американские блокбастеры, так и отечественные новинки. В городке появились новые магазинчики, рестораны, была заново отремонтирована старая больница. Если раньше здесь передвигались главным образом на мотоциклах и велосипедах, то теперь вокруг было полно машин, причём зачастую иномарок.

Прежде всего привлекал людей, конечно, здешний замечательный мягкий климат плюс первозданная, русская природа вокруг. К тому же таинственный завод на той стороне Красавицы давно уже перестал работать, годами стоял заброшенный, а местные власти обещали вот-вот начать большие работы по очистке озёрных вод. (Не потому, мол, что она загрязнённая, а для того, чтобы сделать её просто кристально чистой, питьевой.)

Стояли превосходные майские дни, весна, забегавшая вначале как суетливая соседка, теперь основательно расположилась на правах хозяйки. Рядовые приозерчане проводили воскресенье на дачных участках да огородах, что же касалось подрастающего поколения, то оно почти полностью переместилось на небольшой пляж, отменно оборудованный в этом году благодаря неусыпным заботам всё того же энергичного мэра.

В озеро, как обычно, никто не лез, хотя вода уже давно нагрелась, вполне можно было купаться. Но на лодочках плавали и на песочке тоже валялись с удовольствием, грелись под ласковым приозёрским солнышком.

Четверо молодых людей играли двое на двое в волейбол, энергично перебрасывали мяч через сетку. Все они были одного возраста, учились в выпускном классе городской школы.

Одна команда состояла из Дикаря, то бишь Олега Дикого, светловолосого высокого парня с атлетической фигурой, с лица которого не сходила самодовольная усмешка, и худосочного прыщавого Ромки Заблудшего по прозвищу Заблуда. Им противостояли Саня Колосков, наголо бритый, всегда чем-то заведённый, в любой момент готовый полезть в драку, и Алина Трушина, коротко стриженная, вполне привлекательная в своём роде девушка, густо обсыпанная красочными татуировками, с торчащими из ушей, носа и пупка кольцами. Вокруг талии Алина повязала полотенце, что придавало ей ещё более экзотический вид.

Саня размахнулся, взлетел над сеткой, мощно послал мяч. Олег прыгнул навстречу, но промахнулся, мяч пролетел мимо, упал вдалеке на песок и покатился к воде.

– Я принесу, не парься, – небрежно бросила Алина.

Легко переступая тонкими ногами, пошла за мячом. Полотенце ритмично подрагивало на узких бёдрах.

Ромка и Олег повернулись, смотрели ей вслед.

– Ты её уже трахнул? – завистливо спросил Ромка, большей частью обречённый на унылый онанизм с разглядыванием порнухи.

Олег отрицательно покачал головой.

– Ты чего, Дикарь, серьёзно? – поразился Ромка. – Сколько ты уже с ней тусуешься? Полгода? И чего, за всё время ни разочка не дала?

– Заглохни, Заблуда! – раздражённо сказал Олег. – Отсоси! Тебя это воще не колышет, понял? Может, полгода, а может, и год, тебе-то что! Может, она того стоит!

Раздражение его было вызвано тем, что Ромка задел за больное. Причина столь затянувшихся платонических отношений заключалась вовсе не в Алине, а в нём самом. Вызывающий повсеместное восхищение школьный супермен Олег Дикий на самом деле испытывал сильный комплекс в связи с постоянным дурным запахом изо рта, от которого он не мог избавиться, как ни старался, чего только не перепробовал. Именно этот проклятый запах мешал ему перейти

к активным действиям, так как Олег отчаянно боялся насмешек со стороны всегда независимо державшейся девушки.

Ромка пожал плечами, развернулся в другую сторону, туда, где загорало ещё несколько девочек из их класса. Среди них выделялась Тамара Станкевич, интересная яркая блондинка с тонкими чертами лица и пышной копной на голове.

– Воще я тебе удивляюсь, – рассудительно продолжил он. – Чего она тебе далась, эта Алина! Чего ты, к примеру, Тамарку не трахнешь? Она, во-первых, покруче будет, а потом она стопроцентно так не выёживается. Там без проблем проканаёт.

Теперь уже Олег поневоле повернул голову, оценивающе взглянул на Тамару. Та лежала на животе, ближайшая её подруга – довольно невзрачная, склонная к полноте шатенка Таня Родина – мазала ей спину кремом для загара. Рядом, не обращая ни на кого внимания, увлечённо читала книжку Светы Коновалова, хорошенъкая зеленоглазая брюнетка с двумя тугими косичками, закинутыми на спину.

– Кочемай, Заблуда! – лениво протянул Олег. – Меня такие варианты не колышат. Больно уж просто!

Саня Колосков, сходивший с ума по Тамаре и прекрасно слышавший весь разговор, подошёл поближе к сетке.

– Слыши, Заб-б-блуда, – сказал он, как всегда слегка заикаясь в минуты волнения, – ты л-лучше нам п-про свою ж-жопу расскажи!

– Чего-о? – напрягся Ромка.

– Да, н-ничего. Я п-просто тебя н-никогда с тёлкой н-не видел. Может, ты воще п-педрила? Ну, с-скажи н-нам, своим п-пацанам?

Ромка напрягся, в поисках защиты взглянул на Олега. Но тот уже ржал вовсю, даже приплясывал от смеха.

– Ты, Саня, мне просто глаза открыл, – произнёс он, отсмеявшись. – А то я ему всё время в жопу засаживаю и думаю, к чему бы это, а теперь наконец до меня дошло – он же педрила!

– Н-не, я серьёзно, – настаивал Колосков. – Чего я этого л-лоха н-никогда с б-бабой н-не видел?

– Пошёл ты! – возмутился задетый за живое Ромка. – Сам-то ты кто! Пиздострадатель, больше ничего.

Саня угрожающе сжал кулаки. Глаза заблестели, по лицу заходили желваки.

– Ну-ка п-п-повтори! – прощедил он.

– Да ладно тебе, Сань, – примирительно сказал Олег. – Ты чего, не знаешь? Вся школа в курсе. Заблуду по полной прёт от Седы.

Седа – Седа Магометовна Костоева – была молодой учительницей физики, появившейся в Озёрске сравнительно недавно. Ромка и вправду умирал по ней уже второй год подряд.

– Спорим, я Седу трахну ещё до конца четверти! – вызывающе заявил он Сане. – На что хочешь, спорим? Ну? Или бздишь?

– Да мне н-насрать, т-трахнешь ты её или н-нет, – отозвался Колосков и для убедительности сплюнул.

Тут они вынуждены были прервать эту интересную беседу, так как вернулась Алина.

Олег забрал у неё мяч, потом насмешливо покосился на Ромку и демонстративно поцеловал Алину в губы, вроде как в благодарность, после чего игра наконец возобновилась.

Поцелуй этот, разумеется, ни для кого не прошёл незамеченным.

– Понятия не имею, чего он нашёл в этой металлистке-динамистке! – презрительно бросила Тамара Станкевич.

– Неужели Олег не видит, что ты в тыщу раз красивей, чем Алина! – тут же поддакнула Таня, тщательно растиравшая крем по её спине.

– Он, дурачок, просто понятия не имеет, что значит со мной трахаться. Я бы ему такой минетик закатила, что эта Алина-блядина навсегда бы у него из головы вылетела!

Света Коновалова отложила книжку, повернулась к Тамаре:

– Вы, девки, просто офонарели с этим Диким. Вы что, не видите, что у них с Алинкой любовь? Она ж тебя убьёт, Томик! Ты туда даже не суйся!

– Да пошла ты! – огрызнулась Тамара. – Я у тебя совета не просила, правда? Страну советов у нас в девяносто первом году отменили, ты что, не в курсе?

Она замолчала, обдумывая, что бы ещё такое язвительное сказать Свете (недолюбливала её с первого момента появления в Приозёрске – до неё достойных соперниц в школе у Тамары не было), но в это время вылетевший с волейбольной площадки мяч угодил ей прямо в лицо. Тамара охнула и закрыла лицо руками.

Почти в то же мгновение Саня Колосков нагнулся, проскользнул под сеткой, подскочил к Ромке и одним ударом сшиб его с ног.

– Ты чего д-делаешь, п-придурок! – злобно заорал он ему. – М-моргала открай, когда луп-пиши!

– Ты чё, Саня, охренел? Я ж случайно! – оправдывался Заблудший. Он вскочил на ноги, подошёл к Тамаре: – Ты как, а? Извини, так вышло...

Та отняла руки от лица. Одна щека заметно покраснела.

– Смотри, куда бёшь, Заблуда! Ничего, нормально, жить буду.

– Ты понял? – Торжествующе повернулся Ромка к Колоскову. – Она нормально. Давай подавай!

Он бросил ему мяч.

Саня ловко поймал его одной рукой. Прежде чем подавать, покосился на Тамару, хотел понять, заметила ли она, что он бросился её защищать.

– А ты сразу в морду! – всё никак не мог успокоиться Ромка. – Кто ж так делает! Мы ж свои пацаны!

Игра опять возобновилась.

– Голова не болит? – заботливо спросила Таня у подруги. – Вот придурки грёбаные!

– Да нет, нормально, – отмахнулась Тамара, переворачиваясь на бок, спиной к играющим. – Ни фига себе! Девки, вы только посмотрите на это! – воскликнула она в изумлении. – Я ещё такого не видела!

Все окружавшие её девчонки немедленно приподнялись и взорвались на действительно невиданную ранее в Приозёрске картину.

У самого пляжа припарковался старенький, ещё прежнего рижского производства, микропревтобус «RAF», проще говоря – *рафик*, когда-то голубого, а ныне грязно-серого цвета. Крупная розовощёкая женщина с чёрной, закрученной на голове косой не без труда вытащила из него парня-инвалида.

Парню на вид казалось лет шестнадцать-семнадцать. На голове у него красовалась бейсболка с буквами NY, половину лица закрывали широкие тёмные очки. Одет он был в синюю майку-тенниску с надписью: «Спартак – чемпион!» Правый короткий рукав майки висел, так как одна рука у парня отсутствовала. Так же свободно на нём болтались и трусы-плавки, поскольку ног у него тоже не было. Единственной своей рукой парень держал надутый резиновый круг.

Женщина волоком тащила его к воде.

– О, господи! – ахнула Таня. – Она его купаться тащит! Совсем крыша поехала! Неужели не знает, что вода грязная?

— Можно подумать, это имеет какое-то значение, — скривилась Тамара. — Будто этому обрубку что-то ещё может повредить!

— От меня бы зависело, я б вообще запретила таким приходить на пляж! — заявила Таня. — Только людей пугать...

— Не гони, Тань! — резко прервала её Света Коновалова. — Слушать тошно, ей-богу!

— Тошно, не слушай! — огрызнулась та.

— Всё-таки её надо предупредить, что вода заражена! — не обращая внимания на Таню, озабоченно добавила Света.

— Лежи спокойно, Светик, не парься. Это не твоё собачье дело, — осадила её Тамара. — И вообще, чего ты в каждой дырке затычка? Самой не надоело? Пусть каждый сходит с ума по-своему. Хочет она купать своего инвалида, пусть купает!

Пока они так препирались, женщина зашла в воду, втащила туда парня, (судя по всему — сына), поправила на нём круг.

Он закачался на воде, поплыл вдоль берега, нелепо загребая одной рукой. Женщина брела рядом по мелководью.

Игра давно прекратилась. Все как прикованные следили за странной парой.

— Твою мать, надо же! — произнёс Ромка, в откровенном ужасе разглядывавший инвалида. — Во урод!

Ни Саня Колосков, ни Олег Дикий против обыкновения не возразили ни слова.

— Блин! Ни хрена себе! — только поддакнул Олег.

Женщина вышла из воды, спокойно села на песок, внимательным, заботливым взглядом смотрела на плывущего.

Тот поймал этот взгляд, слегка, еле заметно, улыбнулся.

Сквозь тёмные очки он прекрасно видел, как смотрят на него отдыхающие. Например, на лице широкоплечего длинноволосого блондина, стоящего у волейбольной сетки, ясно прочитывалось отвращение.

Инвалид отвернулся, стал грести в сторону.

Неожиданно громко зазвонил мобильный телефон.

— Это мой! — засуетилась Света. Порылась в сумке, достала мобильник, открыла: — Аллё! Аллё!

Телефон молчал.

Света раздражённо захлопнула аппарат:

— Во достали! Какой-то придурок всё-время звонит, молчит. Только деньги из-за него уходят!

— Кто же это может быть? — удивилась Таня.

Света ничего не ответила, считала Таню полной дурой, в разговоры с ней старалась вступать пореже. Молча убрала телефон, покачала головой.

— А чё ты ментам не сообщишь? — покосилась на неё Тамара.

— Мне же никто не угрожает, — пожала плечами Света, — просто молчат, и всё. А даже если б угрожали, то чего б менты сделали?

Вопрос остался без ответа. Никто не знал, чего б менты сделали в такой ситуации.

— Светка права, — неожиданно сказала Таня. — Ничего они не сделают. Только бабки слупят с неё ни за что, и всё. Вот чего бы менты сделали! И потом, знаешь, как они нас называют?

— Как? — поинтересовалась Тамара Станкевич. — Говори, чего ты?

— Выблядки, вот как! То есть матери наши — бляди, а мы — выблядки!

Тамара скривилась, неодобрительно покачала головой. Её мать, парализованная после дорожной аварии, уже десять лет пребывала в полной неподвижности. Ей не понравилось, что менты называют её мать блядью.

– Сами они козлы недоделанные! – резюмировала она, презрительно наблюдая за удаляющимся на резиновом круге инвалидом.

Инвалид с явным удовольствием грёб вдоль берега.

Лёгкий ветерок обдувал его закрытое очками лицо, ласково покачивал на волнах обрубленное, изуродованное тело.

2. Новичок

Рука оторвала новую страницу настенного календаря. Палец быстро уткнулся в нужные лаконичные строки:

ГОРОСКОП. СКОРПИОН. Понедельник.

В этот понедельник Скорпион должен остерегаться новых знакомств. Они могут доставить ему много неприятностей.

В старших классах Приозёрской общеобразовательной средней школы полным ходом шли последние уроки перед началом летних экзаменов. Школьный двор после звонка опустел, только пара прогуливающих биологию девятиклассников лениво курила, скрываясь от зорких директорских глаз в тени могучего раскидистого дуба.

На уроке физики в одиннадцатом «А» царила расслабленная тягучая атмосфера, чему нимало способствовал вливавшийся в открытые окна тёплый, насыщенный весенними запахами майский воздух. Часть учеников лениво следила за тем, как колышется при порывистых движениях тело обтянутая бирюзовой кофточкой грудь учительницы, Седы Магометовны, остальные занимались кто чем горазд, только не физикой, которая совершенно не усваивалась в такую погоду.

Павло Горошевич, накачанный белорус с аккуратно приглаженными льняными волосами, разместился в последнем ряду, с неослабевающим интересом наблюдал оттуда за Светой Коноваловой, сидевшей за четыре ряда от него, а если точнее, то за двумя её косичками, которые периодически подрагивали на Светиной спине. Иногда, когда Света поворачивалась, удавалось увидеть её чётко очерченный профиль, больше в его поле зрения ничего не попадало.

Павло безнадёжно вздохнул, на секунду перевёл взгляд на вздувшийся бицепс на своей правой согнутой руке. Вид такого мощного бицепса несколько утешил его. (Павло Горошевич страдал плоскостопием, старался возместить этот недостаток ежедневными изнурительными тренировками, постоянно увеличивал нагрузку, добавлял на штангу всё больше веса.)

Затем Павло снова посмотрел вперёд, и лицо его посуворело: то, что он увидел, ему активно не понравилось.

Чуть впереди, через два ряда от него, давились от смеха два брата-армянина – Арам и Геворк Асланяны. Арам тыкал брата локтём, многозначительно показывал смеющимися глазами вперёд и вниз. Прямо перед ними сидела Тамара Станкевич, которая в эту минуту склонилась над партой, и её трусы-стринги сильно высунулись из джинсов. Именно на эти трусы с нескрываемым удовольствием взирали братья.

Павло уже открыл было рот, чтобы призвать к порядку хачиков, но передумал, сдержался. По большому счёту это его не касалось, так что он решил не вмешиваться.

В конце концов, подумаешь – трусы!

Говна пирога!

Геворку же захотелось ещё кого-то порадовать таким изысканным зрелищем, и он стал спешно озираться вокруг. Хотел окликнуть сидевшего в соседнем ряду своего дружка Саню Колоскова, но в последнюю секунду одумался. Как только дело касалось Тамары, Саня напрочь терял чувство юмора.

Так что в конечном счёте он позвал Заблуду, сидевшего на соседнем ряду. Тот обернулся, Геворк многозначительно повёл чёрной бровью.

Теперь уже все трое с большим интересом разглядывали Тамарину стринги.

– Подобный металлоэлемент является хорошим проводником тепла и электричества, причём надо учитывать, что атомы в данном случае соединены внутри кристалла довольно

необычным образом, – говорила тем временем двадцатисемилетняя Седа Костоева, сама с нескрываемой тоской периодически поглядывавшая в открытое окно.

Она попала в Приозёрск довольно случайно, стараниями своих родственников по материнской линии, которые подыскали для неё безопасное место, подальше от чеченских или каких-либо других властей. Покойный муж Седы был боевиком, его убили три года назад во время очередной зачистки, затем постепенно оказались арестованы и погибли все его близкие, никого не осталось из их клана. Детей ей с мужем аллах не дал, что было её постоянной болью.

Седа, всё же ухитрившаяся в годы войны получить высшее педагогическое образование, с радостью ухватилась за работу в школе, уехала в незнакомый город, старалась постепенно забыть всё, что ей пришлось пережить за прошедшие страшные годы.

Ромка Заблудший, сидевший в четвёртом ряду у окна, ничего этого не знал, не сводил с неё затуманенных глаз, незаметно для окружающих онанировал через давно проделанную дыру в кармане джинсов. Необычное соединение атомов волновало его сейчас меньше всего. Он мечтал совсем о другом необычном соединении.

На третьей парте в левом ряду пух от скуки Олег Дикий, периодически поглядывал на Алину, которая сидела впереди, но одна – из-за Олега никто из парней не решался сесть рядом. Сам же Олег по известной причине тоже избегал непосредственного соседства.

Неожиданно дверь в класс распахнулась, вошёл директор школы, Эдуард Николаевич Погребной. Все встали.

Директор махнул рукой, разрешая сесть. Был он видным мужчиной лет пятидесяти, с седыми висками и сытым лицом. Носил, как ему казалось, хорошие дорогие костюмы и модельную стрижку.

В открытую дверь вслед за ним вкатился на специальном электрическом кресле замеченный накануне на пляже инвалид. Только вид у него на этот раз был куда более благопристойный. Джинсы скрывали неподвижные искусственные ноги, обутые в кроссовки и упирающиеся в подножку кресла. Из правого рукава клетчатой рубашки также высовывалась затянутая в чёрную кожу рука-протез.

Инвалид умело управлял сложным механизмом кресла левой здоровой рукой. На голове его красовалась всё та же кепка, которую он, очевидно, никогда не снимал, лицо по-прежнему закрывали затемнённые солнечные очки.

Класс замер, все развлечения мгновенно оказались забыты. Да и в самом деле, что могло быть интересней, чем этот загадочный однорукий парень, восседавший на супернавороченном кресле, подобное которому они видели разве что в американском кино.

Всё в этом кресле было сделано основательно, сразу видно – *фирменно*. Толстые шины на колёсах, блестящие, отливающие сталью спицы, трубчатые диагональные перекладины с каждой стороны кресла, широкие подлокотники с массой таинственных кнопок.

Тамара Станкевич переглянулась с сидевшей рядом Таней Родиной. Вытаращила глаза, слегка повела бровями, плечами:

Не могу поверить, что этот тип здесь, в нашем классе!

Таня выпятила нижнюю губу, демонстрируя возмущение и солидарность с подругой, энергично закивала головой.

Пока шёл этот немой обмен впечатлениями, Эдуард Николаевич обошёл сидящего на кресле инвалида сзади, закрыл за ним дверь и обратился к учительнице:

– Извините за внезапное вмешательство, Седа Магометовна, я хочу представить классу нового ученика – Рудольфа Новикова. Он только что перевёлся в нашу школу. Надеюсь, Седа Магометовна, что вы возьмёте Рудика под свою опёку. А вы, ребята, – повернулся он к классу, – будете ему хорошими товарищами, поможете во всём.

Седа с удивлением взглянула на директора. Слова вроде бы звучали правильные, именно те, что говорят в таких случаях, но тон, которым он их произносил, был очень сухой, предельно формальный.

Погребной поймал её взгляд.

— Седа Магометовна, — сказал он, — зайдите ко мне после урока, мы побеседуем поподробней. Потом посмотрел куда-то в сторону, поверх голов, и так же сухо добавил: — Ну, Рудик, надеюсь, ты обретёшь здесь друзей и будешь хорошо учиться.

С этими словами Эдуард Николаевич, не дожидаясь ответа новичка, повернулся и вышел из класса.

— Добро пожаловать в нашу школу, Рудик! — приветливо улыбаясь, сказала Седа.

— Спасибо, — в гробовой тишине отозвался инвалид.

Голос у него оказался низкий, какой-то скрипящий, будто разговаривал не живой человек, а плохо смазанный механизм.

Седа оглядывала класс, прикидывала, где разместить нового ученика с его громоздким креслом. Решила, что лучше всего впереди, за левой партой.

— Алина, — обратилась она к Трушиной, — тебе не трудно подвинуться, чтобы Рудик мог расположиться рядом?

Алина невозмутимо подвинулась, ни малейшего интереса к новому соседу не проявила.

Рудик нажал единственной рукой на какой-то рычажок, ловко развернулся на своём кресле и после нескольких тырканий взад-вперед в конце концов занял место рядом с ней. Правда, при этом основательно загромоздил проход, поскольку сидел теперь слегка сбоку (между столами кресло не влезло бы), но это был наилучший выход.

Олег Дикий, нахмурившись, следил за манипуляциями новичка. Всё это ему совсем не понравилось. Ещё больше не понравилось, когда он увидел, что Алина вдруг повернула голову и почему-то улыбнулась калеке.

— Ну что ж, продолжим, — сказала Седа, когда всё наконец успокоилось. — Почти три четверти известных в природе элементов составляют металлы...

Рудик единственной рукой достал тетрадь из висевшей через плечо сумки, положил её на стол, открыл и быстро начал конспектировать.

Класс с любопытством поглядывал на него. То и дело бросал неприязненные взгляды в его сторону Олег. Периодически косилась на новичка и сидевшая рядом Алина.

Эдуард Николаевич Погребной, морщась, шёл по пустому коридору. Всего несколько лет, как открылась школа, а уже вокруг грязные, исписанные стены, поцарапанные шкафы. Часть повешенных в прошлом году ламп дневного освещения работает плохо, мигает, а некоторые и вообще уже не работают. Всё это из-за того, что в город понехало всякой черножопой швали, понакупали домов, квартир!

Всю страну скупили на корню!

Странно, повсюду обязательно какая-нибудь пакость. В Америке — негры, во Франции — арабы, в Германии — турки (в Америке и во Франции Эдуард Николаевич не был, но в Германию в турпоездку ездил, так что знал доподлинно!), а тут эти, носатые!

Межу прочим, школа хоть и большая, но не резиновая, мест не хватает! А он обязан принимать всех кого ни попадя, за просто так. Прав Балабин, в большинстве своём все они выблюдки. Или ублюдки, один чёрт! Особенно эти чурки-хачики!

От них, кстати, и запах какой-то другой, острый, неприятный!

Потому что готовят они всё время какое-то говно! Вот от них вонь и идёт.

Эдуард Николаевич невольно потянул носом. (Он был чрезвычайно чувствителен к запахам.) Печально вздохнул.

Ничего тут не поделаешь, развалили страну!

Вот если б удалось сделать из школы частный лицей, совсем другая получилась бы история. Да и деньги, разумеется, совсем иные. Но он над этим работает, ведёт кое с кем в области переговоры. И похоже, что лёд тронулся, идея частного лицея явно понравилась. На прошлой неделе ему намекнули, что в самое ближайшее время возможны некоторые благоприятные изменения в его судьбе.

Неожиданно из-за угла выскочил ученик, кажется десятиклассник. Увидел директора, резко остановился, выпустил бессмысленные глаза.

Эдуард Николаевич всмотрелся, опознал прогульщика, грозно нахмурился:

— Ты, Сычёв, куда это разогнался? А ну марш в класс!

Пойманый на месте преступления Сычёв шмыгнул носом, ни слова не говоря, развернулся и поплёлся обратно.

Директор недовольно смотрел ему вслед.

— А ну-ка, вернись! — приказал он.

Сычёв всё так же безмолвно повернулся обратно. Подошёл, встал, глядя в сторону.

— Ты чего это ходишь с такими спущенными штанами! — возмущённо заговорил Погребённой. — Вон, аж трусы видны! И штаны какие-то широкие, на три размера больше чем надо! Что, фильмов насмотрелся? Мы, Сычёв, не в Америке живём! Да и там только негры-бандюки так одеваются, нормальный парень никогда в жизни так ходить не будет.

— А чё, хачики вон ходят! — обиженно процедил прогульщик.

— Кто? — громыхнул директор. — А ну говори!

— Ну чё, Асланяны из одиннадцатого «А», — совсем струхнул Сычёв. — Им чё, хачикам, всё можно?

— Ах вот как! — вконец разозлился Эдуард Николаевич. — Тебе, значит, эти чурки всё покоя не дают! А ну пройдём ко мне в кабинет! Давай, давай быстро!

Сычёв опять горестно зашмыгал носом и поплёлся по коридору, подгоняемый взбешённым директором.

А в одиннадцатом «А» продолжался до смерти всем надоевший, бесконечно тянущийся урок физики. Класс гудел как пчелиный улей, все бурно обсуждали появление нового необычного ученика.

— …они также имеют способность очень быстро расплавляться при воздействии на них высоких температур, — звучал над гулом монотонный голос Седы. — Например, алюминий расплавляется при температуре 1540 градусов Цельсия, или 2800 градусов по Фаренгейту.

Неожиданно новичок поднял свою единственную руку.

Седа с удивлением взглянула на него, прервалась:

— Пожалуйста, Рудик, слушаю тебя.

— Седа Магометовна, — медленно заговорил инвалид своим низким скрипучим голосом, — я прошу прощения, но мне кажется, что вы оговорились. Это железо расплавляется при такой температуре, а алюминий расплавляется при температуре 660 градусов Цельсия, или 1200 по Фаренгейту.

Класс поражённо притих.

Ловко поддел Седу инвалид!

Ромка Заблудший даже вытащил из кармана мокрую, пахнущую спермой руку, с любопытством взорвался на учительницу.

Класс с интересом ждал, как вывернется физичка.

Седа и в самом деле испытывала сильное смущение.

Неужели так ошиблась?!

Она быстро оглядела класс. Со всех сторон на неё смотрели насмешливые глаза. Признаться в ошибке было совершенно невозможно.

– К сожалению, у нас нет времени сейчас рассматривать характеристики всех металлов и температуры их плавления, – сказала Седа. Понимала, что плетёт какой-то бред, но ничего лучше в голову не приходило. – Кроме того, мы должны успеть пройти новый материал. Так что давайте все вопросы и обсуждения на потом. А сейчас записывайте!..

Класс, даже не пытаясь прятать усмешки, склонился над тетрадями.

Спустя полчаса наконец раздался долгожданный звонок. Пустой школьный коридор мгновенно заполнился орущими, несущимися в разные стороны учениками.

Рудик Новиков выкатился из класса, под мышкой сжимал тетрадь с конспектом. Был поневоле со всех сторон окружён плотной толпой ребят, пытавшихся обойти, обогнать его.

Кто-то, протискиваясь, неловко толкнул кресло, и от этого толчка Рудик выронил тетрадь, которую как раз собирался засунуть обратно в сумку. Беспомощно заёрзal на сиденье, пытался дотянуться до лежащей на полу тетради. Подскочившая сзади Алина нагнулась, подняла её и сама положила ей в сумку.

– Спасибо, – с благодарностью проскрипел Рудик.

– Не за что, – пожала она плечами.

Наблюдавший эту сцену Олег Дикий не выдержал, быстро подошёл, обнял Алину за плечи, увлёк в сторону.

Рудик успел увидеть, что лицо его при этом опять (*как тогда, на пляже!*) было искажено плохо скрытой гримасой отвращения.

– Не бери в голову! – внезапно раздался голос у него над ухом.

Рудик резко повернулся.

Рядом стоял Ромка Заблудший, с восхищением рассматривал его кресло.

– Я же не заразный! – простодушно сказал Рудик. – Чего он так кривится?

– Я тебе говорю, не бери в голову. Дикарь в гробу всех видел, понял? Он делает только то, что хочет. Для него мы все хуже говна! Он реальный придурок. А эта его Алина вообще кре- занутая, больная на всю голову, психопатка. Говорят, её папаша трахнул, а потом в психушку засунул. Так что неадекват у неё. Да у нас в классе все такие, привыкай! – захихикал Ромка. – Кстати, Ромка. Заблудший.

Новичок удивлённо поднял брови.

– Не, ты не понял, – ухмыльнулся Ромка. – Это фамилия у меня такая. А погоняло – Заблуда.

– Понятно, – кивнул инвалид. – Рудик!

– Кресло у тебя охренительное, никакая тачка не нужна! – не выдержал Ромка. – Круто!

– Это мама через международный Красный Крест получила, – пояснил Рудик. – Два года назад прислали. У них есть такая специальная благотворительная программа – помочь инвалидам разных стран. Ей посоветовали, она туда написала, и вот через полгода прислали. Действительно, очень удобное, немецкая фирма «Чемпион»...

Но Ромка уже давно не слушал. Его заинтересовало другое – мимо, оживлённо беседуя, проходили Тамара и Таня.

– Эй, матрёшки, – окликнул он их, – подите сюда, я вас с Рудиком познакомлю.

Обе даже головы не повернули, продолжали идти, беседуя, как ни в чём не бывало.

– Тамара Станкевич – реальная сучка! – тут же прокомментировал Ромка, глядя им вслед. – Танька Родина – тупая, как жопа. А вон, видишь, братаны идут? Армяшки-деревяшки. Это Асланяны, поменьше Арам, а тот, чуть повыше, Геворк. Странно, да? Вроде близнецы, а разные!

– Бывает, – вежливо поддержал разговор Рудик.

– Ты, вонце, как к ним, к чуркам? – поинтересовался Ромка.

– Я – нормально, – пожал плечами новичок.

– Не, а я тоже считаю, что они нормальные пацаны.

Ромка замолчал. Больше говорить было не о чём. Сильно хотелось спросить, кто это поотрывал инвалиду ноги и руку, но он решил с этим повременить.

В другой разок перетрём!

– Ты, вонце, насчёт наездов не бзди! – дружелюбно посоветовал он. – У нас это не катит. Я тоже, считай, новичок, только второй год здесь. Главное, не залупайся, и всё будет хоккей!..

Ромка иссяк, окончательно потерял интерес к беседе.

Увидел Павло Горошевича, окликнул его:

– Павло, погоди, разговор есть! Ну, ладно, я погнал, – повернулся он к Рудику. – Потом ещё побазарим. Покешник!

– Пока!

Рудик отъехал в сторонку, из-под тёмных очков с интересом наблюдал, как Ромка и Павло, о чём-то оживлённо беседуя, исчезают в толпе ребят.

К нему подошла Света Коновалова, чуть застенчиво улыбнулась.

– Привет, Света.

– Рудик, – ответил он.

И, подумав, добавил:

– Новиков.

Света прыснула.

– Очень приятно. Неслабо ты опустил Седу, Рудик.

– На самом деле я не хотел, – проскрипел он. – Просто...

– Да ладно, чего там, ей полезно! А то у неё гонора выше крыши! Противная баба! Да ты скоро и сам всё просечёшь.

Света ещё раз улыбнулась, хотела даже дружески похлопать Рудика по плечу, поддержать его, но не решилась. Никогда раньше не дотрагивалась до инвалидов. Стояла, не знала, что ещё сказать, как выразить своё сочувствие к нему, расположенному.

Но Рудик и так уже был тронут. Неожиданно тоже улыбнулся в ответ.

Улыбка эта поразила Свету. Выражение лица калеки совершенно преобразилось, стало каким-то просветлённым, мягким и даже, призналась она себе, *оттяжёенным*, то бишь чем-то привлекательным.

Хотя глаз его она по-прежнему не видела.

3. Котлетная

Новиковым повезло. Сравнительно дёшево удалось купить вполне сносный дом на Лесной улице, всего в трёх остановках от Центральной школы. Дом был старый, одноэтажный, деревянный, но очень им подошёл. Мария с присущей ей деловитостью за короткий срок привела его в полный порядок, отремонтировала, подкрасила, переоборудовала.

В мэрии сравнительно легко получила разрешение на открытие в доме закусочной без права продажи спиртного. (Учитывая, разумеется, суммы, которые она добавляла всякий раз к официальным расходам за перевод части дома в нежилое помещение, регистрацию пищевого учреждения, одобрение Горсанэпидемстанции, Горпожарнадзора, Приозёрскгаза и пр.) Сама же с сыном разместились тут же, во второй половине, там были ещё две комнаты.

Старый дом на глазах обретал новую жизнь. Над ним появилась новенькая, написанная весёлыми оранжевыми буквами вывеска —

«КОТЛЕТНАЯ»

Передняя комната сильно преобразилась. Часть её теперь занимала кухня, отрезанная от остального помещения пластмассовой прозрачной стойкой наподобие магазинной. Желающие могли рассмотреть небогатый ассортимент, купить с собой котлеты или бутерброды. Для тех же, кто хотел закусить прямо здесь, Мария поставила три столика со стульями (эта часть котлетной стала называться у неё залой), покрыла их голубыми в цветочек клеёнками, короче говоря, уют навела предельный.

И не зря потрудилась. Дешёвая «Котлетная» быстро стала популярным в городе местом.

Энергии Марии было не занимать, в руках всё горело. Мужа у неё никогда не было, привыкла всё делать сама. Целыми днями крутилась на кухне, подавала, готовила, заворачивала.

Сегодня Мария отвлеклась от этих хлопот только дважды — когда отвозила и привозила Рудика.

Её очень беспокоило, как примут сына-калею в новой школе, как пройдёт этот его первый день. С облегчением увидела, что вроде бы сын доволен, никаких жалоб она не услышала. Впрочем, Рудик всегда был довольно скром на слова, особо делиться своими эмоциями не любил и раньше, а после беды совсем замкнулся в себе, разговорить его удавалось редко.

Но тут уже ничего не поделаешь, Мария к этому привыкла. Главное, что в конце концов всё у них будет хорошо. Им, безусловно, очень везло в Приозёрске.

А дальше, как задумано, так и случится.

Начальнику приозёрской полиции Борису Дмитриевичу Балабину перевалило уже далеко за полтинник. Был он человеком солидным, с большим животом, службу свою нёс с достоинством. В Приозёрске служил шестнадцать год, знал всех жителей поименно.

Вернулся он в родной город после увольнения в запас, когда с развалом Союза военных стали пачками отправлять в отставку. Знал кое-кого в области со старых времён, вот и обосновался в полиции. Чувствовал себя полноправным хозяином на своей территории. Всех, кто по каким-либо причинам внушал подозрения, сразу брал под свой непосредственный контроль, чтобы никаких неожиданностей в городе не происходило. Областное начальство выгуливал по полной программе. Короче говоря, всё у него шло по плану, тихо-спокойно. Да по-другому и быть не могло, пока он, Балабин, здесь работал.

А работать в Приозёрске Борис Дмитриевич предполагал ещё долго, пока ноги носят. Место хлебное, нужда в его начальственном покровительстве возникает постоянно. Правда, и хлопотно тоже — то глаза надо на что-то закрыть, то разрешить что-то неположенное в порядке исключения. Работа с людьми, никуда не денешься!

Ну, а как же иначе! Надо помогать друг другу.

С многими новыми приозерчанами состоял Балабин в тёплых отношениях. Ведь каких только проблем не приходится вместе решать!

Вот взять, к примеру, хотя бы молодёжь эту зелёную, отпрысков уважаемых горожан. Многим ещё восемнадцати лет нет, а они уже за рулём, гоняют почём зря без всяких прав. Родители-то чего только не делают, чтоб их чадо тут без них не скучало, уж и не знают, какую ещё игрушку им в жопу засунуть. Разве в его, балабинскую, юность можно было мечтать о собственной машине? Лично он о мопеде мечтал, но так его никогда и не получил. А тут, пожалуйста, ещё молоко на губах не обсохло, а уже раскатывают!

Выблядки, одно слово!

Так что по негласной договорённости, идя, так сказать, навстречу родительским просьбам полезных для города граждан, приозёрская полиция этих юных бесправных водителей вроде как и не замечает. Но, конечно, с условием, что ездят они аккуратно и только в пределах города.

Ещё не хватало, чтобы в области про такие дела узнали!

Однако же стражам порядка при этом дано строгое указание за ездой малолеток следить в оба, *курировать* их. Ведь ежели кто правила нарушит, так от этого опять же Балабину только прямая выгода. Родители-то сразу тут как тут, инцидент улаживать. Ставки известны, с каждым новым нарушением цена за индульгенцию нарушителю резко подскачивает. А нарушают эти пацаны постоянно, кровь-то играет, охота свою удаль показывать.

Про появившихся в Приозёрске мать с сыном-калекой и новую «Котлетную» начальник знал уже давно, с момента, как Мария приходила в полицию регистрироваться. Начальник паспортного стола младший лейтенант Шмыров сразу, по давно заведённому порядку, всё о приезжих ему доложил.

При этом не удержался, поделился впечатлениями, глазищи у этой Новиковой, сообщил, чернущие и коса вокруг головы тоже чёрная, как смоль. И даже предположение высказал, что, скорей всего, вновь прибывшая – молдаванка.

Балабин, помнится, удивился, с чего это вдруг молдаванка. На что Шмыров пояснил, что она, судя по паспорту, из Армавира, там, значится, родилась. А в Армавире, известное дело, полно молдаван. Тут у них даже спор вышел, потому как Балабин про Армавир знал совсем другое, у него там свой жил. Там у них в Армавире армян полно и евреев прямо пропасть. Евреев, впрочем, всюду хватает, то не новость, а вот теперь, свой скаживал, развелись эти, «кавказской национальности», просто житья от них нет.

С этим Борис Дмитриевич в принципе соглашался, много их чего-то стало последнее время. А главное, стоит появиться где-то чуркам, как они сразу шахер-махеры свои разводят, возникает источник повышенной опасности. Глаз да глаз за ними, в любой момент могут под монастырь подвести.

Короче говоря, скорей всего, Новикова эта, рассудил он, несмотря на русскую фамилию, армянка, больше ей быть некем. Шмыров, правда, не согласился, но что он в этом смыслит.

В общем, на том разговор и кончился. Борис же Дмитриевич, тем не менее, про себя отметил, что, раз Мария сильно чернява, значит, надоено всё же познакомиться на всякий случай. Но визит свой в новую «Котлетную» всё время откладывал – заедала текучка. Сегодня, однако же, ехал мимо и решил заскочить.

Вымытый и до блеска отполированный полицейский газик (Балабин строго требовал от подчинённых держать автопарк в неукоснительном порядке) лихо подрулил ко входу в «Котлетную». Начальник грузно вывалился из машины, крякнул, приосанился и вошёл внутрь.

Сидевший за рулём худосочный, с мелкими чертами лица сержант полиции Виктор Сушкин следил за начальством преданным взглядом, пока оно не исчезло за захлопнувшейся дверью.

рью. После чего незамедлительно извлёк из заднего кармана небольшую плоскую фляжку с коньяком (подарок продавца фруктами Гурджиева), отвинтил крышечку и с видимым удовольствием сделал большой глоток.

Внутри «Котлетной» Мария, напевая свою любимую песню про перевозчика у перевправы, убирала со стола, наводила очередной лоск. С уважением, но без особой робости уставилась на вошедшего.

– Добрый день, – поздоровался Балабин. – Я – начальник городского отделения полиции, Балабин Борис Дмитриевич. Вот, заехал познакомиться. Добро пожаловать в наш город.

(Про себя отметил, что всё-таки прав был Шмыров, на армянку хозяинка «Котлетной» никак не походила. А что глаза чернющие, так это правда. Но всё-таки не армянские, скорей южнороссийские. У одной молодухи из Краснодара были такие же глазищи, Балабин с ней в Крыму познакомился, в одном санатории отдыхали.)

– Здрасте, – отозвалась Мария. Улыбнулась, блеснула золотым зубом в нижней челюсти. – Новикова Мария. – Потом, подумав, поправилась: – Мария Анатольевна.

Балабин подошёл к прилавку, с интересом оглядел выставленные там котлеты.

– Значится, котлетками торгуете, Мария Анатольевна? – уточнил он.

– Ну да, – отвечала Мария. – Есть с грибами, есть свиные, говяжьи. Из смешанного фарша тоже есть. С жареной картошечкой не желаете? Угощайтесь, товарищ начальник.

– Да нет, спасибо, сыт. Только отобедал с мэром, – солидно сказал Балабин. – Ну и как бизнес, нормально?

– Да не жалуюсь, – снова улыбнулась Мария. – Я должна работать на дому, чтобы при сыне быть. Он же у меня калека. Мы и живём здесь же, в задних комнатах.

– Понятненько, – процедил Балабин. – А откуда сами будете, Мария Анатольевна?

(На самом деле от того же Шмырова прекрасно знал, что Новиковы сюда переехали из Новгородской области.)

– Из Коврова, – сказала она. – Это под Новгородом.

– Ясно, – буркнул Балабин. – А до этого где жили?

– До этого в Александрове, – охотно начала рассказывать Мария. – А ещё раньше в Южинске, под Самарой. Мы с сыном последние годы часто переезжаем. Понимаете, родственников у нас нет, родители мои померли давно. Одна всё и тяну, мать-одиночка ж я. А Рудик мой – необычный ребёнок. Так уж случилось, что калека он у меня. Беда у нас была, когда он ещё совсем маленький был. Пожар случился, Рудик весь обгорел. Ему ноги и руку пришлось ампутировать. А в нынешнее время очень непросто ему подходящее место найти, ну, вы понимаете?

– Понимаю, – кивнул Балабин.

На самом деле не очень понял, что она имеет в виду.

Ну, калека, дальше-то что?

Чем ему не годилось в Коврове или где там они ещё жили, непонятно. Вслух спросил:

– Кстати, где он Рудик ваш, дома?

– А то! Конечно, где ж ему быть. Он без меня никуда. Я вас познакомлю. Руди-и-к! – зычным голосом заорала она куда-то в глубь дома. – Выди, покажись!

Прошло полминуты.

Балабин уже начал недовольно хмуриться, но тут наконец хлопнула дверь, заскрипели половицы, в помещение вкатился на своём кресле Рудик. В кепке-бейсболке, сильно нахлобученной на голову, и солнечных очках.

– Вот это мой Рудик! – с нескрываемой гордостью произнесла Мария. – Познакомься, Рудик, с начальником.

– Здрасте, – низким голосом проскрипел Рудик.

– Здравствуй, – кивнул Балабин.

Поначалу думал пожать инвалиду руку, но тут же отказался от этой идеи. Вообще в присутствии этого калеки в тёмных очках странным образом чувствовал какую-то тягостную неловкость.

– Знатное у тебя кресло, – проговорил он (просто чтобы что-то сказать).

– Да, очень удобное, – поддержал разговор Рудик.

Но Балабин уже отвернулся от него.

– Значится, надолго к нам? – спросил он у Марии. – Или опять временная остановка?

– Ну, мы посмотрим, как нас тут принимать будут, – снова блеснула золотым зубом Мария. – Нам вообще-то тут нравится. Хотелось бы остаться.

– Приозёрск – хороший город. Тихий, спокойный. А главное, люди у нас хорошие. Я уверен, что вы здесь осядете, – добродушно сказал Балабин.

– Может, всё-таки угоститесь? – снова предложила Мария. – Я вам котлетку прямо со сковородочки с собой заверну. Вы таких вкусных никогда не ели. Попробуйте.

– Ну, разве что попробовать, – согласился начальник.

(Больно уж соблазнительно пахло вокруг.)

Мария ловко подхватила поджаристую котлетку с огромной сковородки, положила в бумажный пакет с логотипом:

«КОТЛЕТНАЯ

ул. Лесная, 12

г. Приозёрск»

Балабин одобрительно покачал головой.

Во баба, молодец!

Уже и пакеты фирменные успела где-то заказать. На ходу подмётки рвёт!

Мария тем временем сунула туда же, в пакет, кусок хлеба, салфетку:

– Вот, угощайтесь! Может, вам картошечки ещё положить? Или кетчупа?

– Нет, нет, спасибошки! Больше ничего пока не надо. Как-нибудь ещё заскочу при случае.

– Заезжайте, мы гостям рады.

Балабин кивнул обоим и вышел на улицу.

Только тут наконец почувствовал некое облегчение. Этот калека в идиотской американской кепке определённо вызывал у него какое-то неприятное чувство.

Тяжёлый случай!

Мария и Рудик смотрели в окно, наблюдали, как он неспешно садится в свой полицейский газик.

Рудик отвёл рассеянный взгляд от отъезжающей машины, неожиданно замер, плотно сжав губы, что свидетельствовало о крайней степени сосредоточенности.

– Мама, видишь в окне напротив девушку? Вон там, где занавески цветные. Видишь, как она на меня вылупилась?

– Ну, вижу, – тут же отреагировала Мария. – Ты чего, её знаешь?

– Она из моего класса. Таня Родина её зовут.

(Таня на той стороне улицы заметила, что её увидели, тут же отвернулась, стала усердно поливать стоящие вдоль подоконника цветы.)

– Ну и что она, хорошая девочка? – ревниво спросила Мария, поворачиваясь к Рудику. – Умная?

– Да нет, – усмехнулся сын. – Наоборот, говорят, дура набитая.

4. Разъезд

Утренний солнечный луч осветил висевший на стене календарь. Всё та же рука протянулась, оторвала очередную страницу. Глаза с интересом уставились на сегодняшний гороскоп. Надпись была лаконичная и более чем странная:

ГОРОСКОП. СКОРПИОН. Вторник.

В этот вторник Скорпион должен быть крайне осторожен, выбирая людей для общения.

Прозвенел звонок, возвещавший конец уроков, и после секундной паузы из школы гурьбой повалили радостные ученики. Некоторые направились к расположенному неподалёку пустырю, в последнее время превращённому одиннадцатиклассниками в импровизированную автомобильную стоянку.

Ромка Заблудший стоял около машины Павло Горошевича, завистливо рассматривал старый, местами поржавевший «Запорожец», который недавно подарил Горошевичу отец.

Какая-никакая, а тачка!

На своём кресле рядом проехал Рудик, подкатил к уже поджидавшему его рафику. Навстречу вышла Мария, изготавливая запихивать сына внутрь.

Мимо на велосипеде порулила Света Коновалова, приветливо махнула Рудику:

– Пока, до завтра!

Рудик поднял единственную руку, помахал в ответ.

– Это кто? – подозрительно спросила Мария, провожая Свету взглядом.

– Света, – проскрипел Рудик. – Из моего класса. – И, предупреждая материнский вопрос, добавил: – Хорошая девочка.

– Все они хорошие, когда спят! – пробурчала Мария и рывком подняла сына на руки.

Хорошая девочка Света миновала пустырь и уже было выехала на дорогу, когда у неё зазвонил телефон.

Света остановилась, достала мобильник:

– Аллё! Аллё! Я слушаю!

В телефоне снова молчали, слышно было чьё-то сдерживаемое дыхание.

– Тебе что, делать нечего? – разозлилась Света. – Займись уже наконец чем-нибудь, придурик! Козёл сраный!

Раздражённо захлопнула мобильник, сунула в карман и покатила дальше.

Света не знала, что со стоянки за ней пристально наблюдали Тамара Станкевич и Таня Родина.

– Кто, интересно, ей всё называет! А ты заметила, как она с этим Рудиком? – возбуждённо говорила Таня (старалась сделать приятное Тамаре). – Ручкой ему махала! Я чуть не обоссалась, когда это увидела. Не, народ вообще поехал! Тамар, а может, она извращенка? Может, её уроды возбуждают, а? Ой, я бы не смогла с инвалидом!

(Таня была девственница, никто пока ни разу на неё не посягнул.)

Тамара усмехнулась:

– А чё, может, ты и права, Танюсик. В тихом омуте черти водятся.

Сзади подошёл Саня Колосков. Заговорил с плохо скрываемым волнением:

– Н-ну чего, Т-тамар, м-может, ч-чего-нибудь сообразим веч-черком?

Тамара равнодушно пожала плечами:

– А ты что предлагаешь, Санёк? Чем тут, в этой дыре, заняться?

– М-м-можем в «Б-берёзку» д-двинуть, – чуть покраснев, сказал Саня. – В-вот Т-танька нас проведёт.

Таня Родина по вечерам подрабатывала в кинотеатре, проверяла билеты. Там же, в «Берёзке», в кассе и в буфете, работали ещё несколько девочек из их школы, в том числе и Алина Трушина.

– Некислая идея, – скривилась Тамара. – Обломался ты, Санёк. Придумай чего-нибудь поинтересней. А в киношку без меня сходи. Пока, Танючик.

И, небрежно махнув ключами, прошествовала к своей машине – «Тойоте-Королле» серебристого цвета (зависть всей школы, несмотря на то что «Тойота» была правосторонняя, отец привёз прямо из Японии).

Саня смотрел ей вслед, уши у него горели.

Таня тоже озадаченно провожала взглядом подругу, морщила лоб, пыталась понять, что случилось. Обычно Тамара её подвозила, а сейчас даже не предложила. Чем она её рассердила?

Может, чего не так сказала?..

Таня вздохнула. Иногда она совсем не понимала подругу. Но что уж тут сделаешь.

– А чего, правда подваливай на последний сеанс, – сочувственно предложила она Сане. – Я и сама с тобой посижу.

– Т-теб-бя эт-т-то к-кино ёщё не д-д-дост-тало? – резко повернулся к ней Саня. Заикался он теперь сильней прежнего. – Т-т-ты ж-же н-неб-бось уж-же все ф-ф-фильмы в-видела!

– Ну ладно, ну и видела, чего ты окрысился-то? – примирительно сказала Таня. – Не хочешь, не надо, никто ж не заставляет. Ты же сам навязался. До дома-то хоть подбросишь?

Саня неожиданно успокоился. Ничего, будет и на его улице праздник. Он упорный, от своего не отступится.

Никуда эта красавица не денется!

А пока у него есть превосходное утешение – тачка, которую он наконец-то получил на день рождения. Новенький внедорожник «Нива-Тайга», даже на слух приятно, звучит неслабо, почти как «Тайгер». И вправду не тачка, а реальный зверь, *тигр!*

– Л-ладно, д-давай! – кивнул он Тане и пошёл к машине.

Та обрадованно затрусила за ним.

Алина Трушина садилась на здоровенный мотоцикл с коляской, известный на весь город.

Про мотоциклы Алина знала всё. Гоняла на своём уже полтора года, он являлся предметом её особой гордости. Это была достаточно редкая модель – «ИМЗ-Волк», фактически первый отечественный чоппер, не так давно пришедший на смену другой тяжёлой машине – «ИМЗ-Урал», который до этого выпускался почти без изменений лет шестьдесят подряд.

– А на хрена его там было менять, модернизировать, – объясняла интересующимся Алиной, – если «Урал» – это тот же нехилый довоенный БМВ Р75, убойная вещь, улёт. Его когда-то скоммунизовали у немцев, и всё – недушно, милое дело. От добра добра не ищут, так ведь?

Что же касалось её «Волка», то он представлял собой совершенно особый тип мотоцикла: дефорсированный двигатель большого объема, длинная передняя вилка, высокий руль, весь отделан кожей и хромом. Алина, счастливая обладательница этой роскоши, сидела на нём вертикально, вытягивала ноги вперед.

Конечно, не «Харлей-Дэвидсон», но класс-то тот же.

Так что все могут замкнуться, понятно?

Рядом притормозил Олег Дикий. У Олега автомобиля не было, он, как и Света Коновалова (и многие другие), ездил на велосипеде. Объяснял всем, что это очень полезно для поддержания спортивной формы. А если по правде, то не мог дождаться, когда ему купят машину, но отношения у матери с отцом были скверные, тот показывался в Приозёрске всё реже и реже, так что четырёхколёсное счастье ему пока что не светило.

– Слушай, Алька, – громко, перекрикивая мощный мотор «Волка», заговорил он, – я когда думаю, что ты сидишь рядом с этим уродом, мне прямо блевать охота, к горлу подкатывает, ей-богу! Тебе самой-то не противно? Я тебе что хочу сказать...

– Не надо меня лечить, Олежек! – резко прервала его Алина. – Без тебя докторов хватает! – Неспешно сунула в рот жвачку, окинула его насмешливым взглядом: – А я чего-то думала, что ты покруче будешь!

Крутанула ручку газа и унеслась прочь.

Олег разочарованно сплюнул. Никак он не мог подобрать нужный ключик к этой девке. Вроде она и с ним, а всё равно дистанцию держит, не подпускает. Может, прав Заблуда, давно надо было трахнуть её, и все дела.

А как же запах...

Подумаешь, запах. В конце концов, можно перед этим освежитель зажевать.

Нет, откладывать больше нельзя, надо решаться!

Тамара Станкевич сидела в «Тойоте-Королле», якобы красила глаза. На самом же деле с живым интересом следила за всем в зеркальце заднего вида. Видела, как уехали Саня с Танюшком, теперь её внимание было полностью сосредоточено на Алине и Олеге.

Убедившись, что Алина умчалась на своём грохочущем мотоцикле, Тамара быстро вышла из машины, подняла капот, покопалась там пару секунд.

– Олег! – окликнула она Дикого, который уже выезжал с пустыря.

Тот услышал, оглянулся.

Тамара стояла около своей «тойоты», призывающе махала рукой.

Олег нажал на педали, подкатил поближе:

– Чего случилось?

– Не знаю, – огорчённо пожала она плечами. – Машина, типа, не заводится. Прямо не знаю, чего делать. Хренотень какая-то!

– Стартёр, что ли, барахлит? – с видом знатока спросил Олег.

– Почём я знаю. Она как мёртвая. Сам попробуй. Может, у тебя получится.

Олег прислонил велосипед к столбу, взял у Тамары ключ зажигания, сел в машину.

Она нагнулась, всунула голову в салон, вроде как смотрела, что он будет делать. Олег вынужден был отклониться, так близко от него она оказалась.

Он вставил ключ в замок, повернул. Машина и в самом деле была как мёртвая.

– Пусти-ка!

Он начал вылезать из машины. Тамара неохотно выпрямилась, отступила, пропуская его.

Олег обошёл машину, заглянул под капот, сразу увидел отсоединённую клемму.

– У тебя же аккумулятор отсоединен! – сказал он. – Вот она и не работает!

– Ну да? – поразилась Тамара. – Ты серьёзно? Где? Покажи!

Она опять стояла совсем рядом, развевающиеся волосы задевали его щёку. Олег покосился на неё, усмехнулся, до него наконец дошло.

– Ну, ты даёшь, Томик!

И одним движением соединил клемму.

Как раз в этот момент мимо них проезжал рафик, в который Мария наконец-то усадила Рудика. Тяжёлое кресло было компактно сложено, лежало сзади.

– Мам, этот парень чего-то против меня имеет! – пожаловался Рудик. – Вчера кресло нарочно толкнул. Хамит… Невзлюбил он меня за что-то. А я ему ничего такого не сделал…

Мария притормозила, внимательно посмотрела на юношу, про которого говорил сын:

– Вот этот блондинчик? Как его звать-то?

– Олег Дикий, – мстительно проскрипел Рудик.

5. Перепих

Алина Трушина жила почти на самой окраине Приозёрска. Жила одна: мать уже шесть лет как померла, а отец с новой женой поселился в прошлом году в Святопольске, здесь теперь почти не показывался. Зато деньги, ублюдок, присыпал регулярно, и на том спасибо. Главное, что мотоцикл не забрал, оставил.

Об отце Алина вообще старалась не думать, в противном случае опять начинала отчаянно болеть голова, накрывала полнейшая депрессуха, что, в свою очередь, грозило возвращением в психушку, где она побывала уже дважды (первый раз почти пять месяцев проторчала, второй – три) за свои семнадцать лет.

Те два с половиной года, когда она оставалась жить вдвоём с отцом, превращаясь из угловатого подростка в девушку, исчезли в чёрном провале её памяти, и у Алины не было ни малейшего желания извлекать их оттуда. Всё, что касалось того страшного времени, являлось для неё *табу*, нарушать которое не следовало ни под каким видом.

Домик у неё был небольшой, но вполне уютный. Особенno нравился ей сад, сейчас в нём уже бурно цвела черёмуха, разрастались, наливались соками кусты смородины, малины. Алина стояла в самой их гуще, подрезала кусты небольшой электропилой с тонкой шиной. Аппарат был полупрофессиональный, качественный – Partner 4600. Она управлялась с ним вполне умело, чувствовалось, что делает подобную работу не в первый раз.

Из-за жужжания пилы не сразу расслышала окликавшего её Олега. Он прислонил велосипед к забору, открыл калитку, подошёл поближе. Чувствовал себя более-менее уверенно. Всю дорогу жевал мягкие освежающие таблетки, надеялся, что они перебьют противный запах.

– Привет!

Алина выключила пилу, молча смотрела на него, ждала, что он скажет.

– Слушай, не хочу я с тобой в непонятки играть, – возбуждённо заговорил Олег. – Зачем нам эти напряги? Ну, может, я чего не так перетёр, перегнул палку, как говорится. На самом деле мне до лампы. Раз такие заморочки, тусуйся с этим уродом на здоровье, мне-то чего.

– Ну, спасибо за разрешение, – усмехнулась Алина. – У тебя всё? Ты только ради этого прикатил?

Олег наконец решился:

– Давай по-честному, без базара?

– Давай, – кивнула она.

– Мы с тобой уже, считай, полгода тусуемся, с осени…

– Ну, – подтвердила Алина.

– Вот тебе и ну. Баранки гну. Время идёт, а ни хрена у нас не происходит. Все уже смеются. Сама знаешь, я от тебя прусь. И тебя вроде тоже от меня клинит. Так чего мы тянем-то? Я к тому, что, может, трахнемся, а?

Алина, прищурившись, смотрела на него, вроде как размышляла.

Олег решил, что она не поняла или не слышала.

– Может, типа, перепихнёмся? – уже менее уверенно предложил он.

– А я думала, ты не хочешь, – сказала она.

– Да нет, – обрадовался Олег. – Я просто тебя торопить не хотел, ждал…

– А чё ждал-то? – усмехнулась Алина. – Ишь, какой хитрый…

Она опять задумчиво разглядывала его, что-то соображала, кумекала.

Олег прикусил губу, отвернулся.

– Ну ладно, – сказала она тихо. – И правда, чего резину тянуть. Пойдём, Дикарь! Перепих, так перепих!

Олег вскинул голову, глаза засияли.

– Только у меня условие, – тут же осадила его Алина. – Всё будешь делать, как я скажу.

– Я согласный, – хрипло проговорил он.

Они вошли в дом.

Алина закрыла дверь на замок, уверенно направилась в спальню.

Олег с бьющимся сердцем шёл за ней. Оба не произносили ни слова.

В спальной комнате царил полнейший бардак: постель была смята, разбросана, на прикроватной тумбочке валялись какие-то полупустые пузырьки с лекарствами.

Алина нагнулась, вытащила из-под кровати ящик, порылась в нём, достала ремни, цепи.

Потом повернулась к нему и коротко приказала:

– Раздевайся и ложись!

Олег посмотрел прямо в её чёрные, с расширенными зрачками глаза и начал медленно расстёгивать рубашку.

6. Драка

Полетел в мусорное ведро очередной оторванный скомканный листик настенного календаря. Гороскоп на новой странице опять не сулил читавшему ничего хорошего:

ГОРОСКОП. СКОРПИОН. Среда.

Скорпион должен быть особенно осторожен сегодня, предпринимая какие-либо активные действия. Лучше бы их вообще избежать в эту среду. В противном случае судьба может преподнести вам малоприятный сюрприз.

На этот раз в одиннадцатом «А» шёл урок психологии – новый предмет, введённый Минобразования в школьную программу в этом году. Из-за нехватки учителей психологию Погребной в конце концов поручил вести сорокалетнему, крепко сложёному Андрею Степановичу Лаптеву, благо тот сам вызвался (нужны были дополнительные заработки в связи с рождением второго ребёнка). До этого года Лаптев нёс на себе две нагрузки – был учителем физкультуры и одновременно тренером школьной футбольной команды. Звёзд Андрей Степанович с неба не хватал, это директор понимал, но, с другой стороны, человек был старательный, исполнительный, так отчего же не попробовать.

Класс слушал Лаптева вполуха – кто из недоверия к тренеру, кто просто из-за полного отсутствия интереса к предмету. Стоял унылый, ленивый гудёж. Света Коновалова и Рудик Новиков были, пожалуй, единственными, кто что-то записывал на этом уроке.

– Короче говоря, в результате исследований природы и окружающей среды учёные в конце концов пришли к выводу, что связь между геном и человеческим поведением совсем иная, чем между причиной и следствием, – бубнил Лаптев, сам не очень отчётливо понимая, о чём говорит.

К уроку он готовился вчера поздно вечером, под бесконечный крик ребёнка, которого мучили газики, и теперь в голове у него царил полный сумбур. Вообще проклятая эта мудрёная психология была постоянной головной болью, Андрей Степанович уже тысячу раз пожалел, что взял её на себя, но отступать поздно – *взялся за гуж, не говори, что не дюж*. Вот он и мучился.

У Рудика неожиданно закончилась паста в шариковой ручке. Он потряс ею, надеясь оживить умершую ручку, но ничего не вышло, она бессмысленно скребла по бумаге, не оставляя следов.

Рудик нахмурился, полез в сумку в поисках другой ручки.

Света со своей партии, находившейся через ряд от него, заметила, как он крутится, тут же протянула ему свою.

– Спасибо, – благодарно прошептал Рудик.

Олег Дикий, по-прежнему ревниво наблюдавший за сидящей рядом с калекой Алиной, неодобрительно хмыкнул. После вчерашнего чувствовал себя настоящим суперменом, любое физическое несовершенство теперь его особенно раздражало.

И как только бабы могут общаться с этим уродом!

Алина его, конечно, удивила, не ожидал от неё такого. Поначалу ему даже не по себе было, струхнул малость, если честно. А потом понравилось.

С нехилой фантазией тёлка!

Правда, остались следы на запястьях и на спине, но они скоро пройдут. Зато все страхи оказались позади, он не подкачал, показал себя в лучшем виде. Теперь, главное, можно было бы и пересесть к Алине, так нет, место прочно занял калека со своим мудацким креслом.

Олег недовольно покачал головой.

Вот уж мутный чувак!

Светка – ладно, она, в конце концов, не его герла, но Алина как может с этим инвалидом контактирует! Особенно теперь. После того, что между ними было.

Она что, не догоняет, что ли? Добьётся, что он до неё больше пальцем не дотронется, иначе его просто стошнит.

– В то время как ген в определённом смысле даже усугубляет человеческое поведение, – тоскливо продолжал Лаптев, поглядывая в конспект, – он в то же время не до конца контролирует действия людей...

Он остановился, попытался осмыслить то, что произнёс. Не без труда, но всё же это ему удалось.

– Короче говоря, несмотря ни на что, люди сами выбирают, кем им быть, когда вырастают, – подытохил тренер.

И тут, к его искреннему облегчению, наконец-то раздался звонок. Класс немедленно наполнился жизнью, зашумел, задвигался.

– Дикий, зайди ко мне в тренерскую, – обратился Лаптев к Олегу. – Поговорить надо насчёт соревнований. Неделя осталась.

– Хорошо, Андрей Степанович, – вежливо улыбнулся Олег.

Тренер собрал конспект, упругой походкой вышел из класса.

Тут же в дверь с разных сторон ринулись ученики.

Рудик, обычно ждавший, пока основной поток склынет, на этот раз не рассчитал, двинулся с места чуть раньше и оказался в самой гуще выходивших. С обеих сторон в дверь пропихивались, в результате чего кресло его намертво заблокировало вход.

Сзади немедленно возникло волнение. Раздались возгласы:

– Вот, блин, баррикада!..

– Чё там застрияли?

– Да новенький с его грёбаным креслом!

– Дикарь, да протолкни ты его! – не выдержала Таня Родина. – А то я сейчас уссуся, честное слово!

Олег Дикий не заставил себя долго упрашивать. Поднял мускулистую ногу, с силой пнул инвалидное кресло в спинку. Оно вылетело из двери, прокатилось через коридор, врезалось в стену напротив.

Таня издала победный вопль, нырнула в освободившееся пространство, помчалась в туалет. Остальные стали вываливаться из класса.

Света Коновалова и Ромка Заблудший подошли к Рудику, который, плотно сжав губы, выравнивал кресло.

– Ты как, нормально? – заботливо спросила Света.

Рудик молча кивнул, поправил сбившуюся бейсболку на голове.

– Я тебе говорил, Дикарь – реальный придурок, – заметил Ромка, глядя вслед спокойно удалявшемуся по коридору Олегу. Потом посмотрел на других ребят, несущихся мимо с оголтелыми криками, глубокомысленно добавил: – Впрочем, как и все остальные в этой долбаной школе.

На большой перемене Олег Дикий пришёл в просторный школьный буфет (гордость Погребного!) с небольшим опозданием: пришлось задержаться из-за разговора с тренером о команде, о грядущих районных соревнованиях. В левом углу зала по негласной традиции ели одиннадцатиклассники, больше туда никого не совался – знали, что за это и схлопотать можно.

Олег нахмурился. За одним из столов сидели Света Коновалова, братья Асланяны, чёртов инвалид Рудик и, самое неприятное, Алина.

Мало того, Алина помогала уроду, в данный момент разрезала ему сосиску.

Может, она его ещё с ложечки кормить будет?

Или грудь ему даст?

А может, отсосёт у него по доброте душевной?..

Олег почувствовал, как от этой картины подкатывает к горлу, невольно сжал кулаки.

Алина заметила его появление. Повернула голову, махнула рукой, приглашая сесть рядом.

Но это было уже слишком.

Не пошла бы она!..

Пусть сама возится с этим уродом!

Олег взял поднос с едой и, игнорируя удивлённый взгляд Алины, демонстративно уселся за другой стол. Тут ели Ромка, Павло Горошевич, Таня с Тамарой и, само собой, Саня Колосков, старавшийся тусоваться рядом.

— Я смотрю, Трушина себе нового пацана нашла, — ехидно заметил Павло, как только Олег уселся.

— А чё, классный пацан, — заржал Ромка. — Главное, со своим транспортом. Подвезти может, если что.

При этом посматривал на Олега, всё это говорилось ради него.

Тот не выдержал, нагнулся к Ромке, сказал вполголоса:

— А мне насрать на неё теперь. Я ей вчера засадил по самые помидоры!

— Да ты чё! — восхищённо ахнул Ромка. — Нехило! — Но тут же отодвинулся: у Олега неприятно пахло изо рта. — Ну ты герой, Дикарь! — сказал он с безопасного расстояния. — Наконец-то! И года не прошло! Поздравляю! — Потом повернулся, с ехидцей оглядел Алину. — Ну и как прокатило?

— Нормалёк, — небрежно бросил Олег, засовывая в рот кусок курицы. — Карасём по стене ходила.

Он невольно глянул в сторону Алины.

Та неожиданно поняла, о чём они говорят, отвела блеснувшие ненавистью глаза, ткнула вилкой в макароны по-флотски с такой силой, что зубья погнулись.

— Я чуть не обоссалась сегодня из-за этого Рудика-хуюдика, — откровенничала тем временем Таня Родина. — Весь выход забил своим креслом мудацким. Задолбал, честное слово! Он к тому же ешё и живёт напротив, прямо через дорогу эта их сраная «Котлетная». Вот ужастик, да? Ночью приснится — испугаешься!

Все сочувственно слушали. И правда, не повезло Родиной с таким соседством. Мало того что в классе то и дело на инвалида натыкается, так теперь ешё и дома.

— Может, вам переехать оттуда? — не без ехидства спросила Тамара. — Раз такие дела, а, Танюсик?

Таня шутка не понравилась.

— Нет уж, пусть инвалид сваливает! — пробурчала она.

Павло же тем временем пытался поймать взгляд Светы Коноваловой, разговор Олега и Ромки сильно его вдохновил. Чего он теряется, в самом деле? Только дурью мается.

Действовать надо!

Так, как Дикарь! Чтоб потом можно было бы так же небрежно бросить: «*Я ей засадил вчера по самые помидоры!*»

Араму Асланяну не понравился пристальный взгляд Горошевича. Он решил, что Павло уставился на него, и отреагировал мгновенно.

– Ты чё пялишься? – с вызовом спросил он.

Говорил с заметным армянским акцентом.

Павло недоумённо посмотрел на Арама, не сразу понял, что тот хочет.

– Чего-о? – протянул он.

– Я спрашиваю, на чё ты пялишься, козёл?

На этот раз до Павло дошло. Он отвернулся, продолжил есть, раздумывал, стоит ли заводиться здесь, в буфете. Асланянов Павло не боялся, был уверен, что справится с обоими, но лишняя драка в школе не нужна, и так проблем хватает, лучше дождаться более подходящей ситуации.

– Остынь, – лениво отозвался он, – не парься. Не на твою чёрную жопу любуюсь, это уж точно!

Арам в бешенстве переглянулся со своим братом Геворком.

– Кочумай, – сказала ему Алина, – не бери в голову. Он думает, раз качок, так всё может. Он своё рано или поздно получит. На вот лучше, траванись!

Достала пузырёк, вытряхнула на ладонь несколько таблеток. Братья взяли по одной, она подумала, протянула раскрытую ладонь Рудику:

– Бери.

– Что это? – спросил он.

– Колёса, – спокойно ответила Алина. – Бери, не стремайся, по кайфу будет.

Рудик покачал головой:

– Спасибо, я не хочу.

Алина подозрительно взглянула на него, сунула в рот сразу две таблетки. Может, и прав Дикарь, мутноватый какой-то парень этот инвалид. Что он там себе думает, на что таращится из-под своих тёмных очков, никому не известно.

Прямо сын лесной!

Вроде как ни в чём не участвует, сидит тихо, а по ходу всё сечёт, ничего не пропускает...

Тем временем за соседним столом Саня Колосков собрался с духом, предпринял очередную атаку на Тамару Станкевич:

– С-слушай, Т-тамар, ты ч-ч-чего д-делаешь в в-выходные? М-м-может, т-тусанёмся у оз-зера?

– Да охренела я уже от этой вашей тусовки, – небрежно отвечала Тамара. – И вообще у меня другие планы были...

Саня растерялся. Его неприятно резануло слово *вашей*. Оно словно ставило его на место, вровень со всеми остальными.

Тамара же перевела взгляд на Олега Дикого и вдруг передумала. В голове мгновенно выстроился план, как можно использовать этого, сильно запавшего на неё заику.

Она повернулась к Сане, растянула пышные губы в своей самой очаровательной (прекрасно это знала) улыбке.

– Хотя раз ты так хочешь, то почему бы и нет. Давай тусанёмся.

– Т-ты чё, реально? – не поверил своему счастью Саня.

Тамара повела плечиком, усмехнулась:

– Ну да. Беспонтово.

– А можно и я с вами? – как всегда неуклюже, влезла в разговор Таня Родина.

Все, включая Олега, рассмеялись, стали вставать из-за стола, собирать тарелки.

– Вы чего? – захлопала глазами Таня.

— Ты, Танюсик, всегда скажешь, как в лужу пёрнешь, — любезно объяснил ей Ромка Заблудший. — Ты чё, не знаешь, что третий — лишний?!

В конце концов закончился и этот невыносимо долгий школьный день. Рудик Новиков, наученный горьким опытом, дождался, пока все вышли, только потом выкатился из класса.

Коридор уже почти опустел, последние школьники тянулись к выходу. Он не спеша катился к входной двери, когда неожиданно перед ним возник чей-то высокий силуэт. Из-за полумрака, царившего в коридоре, тёмных очков, а также из-за того, что тот стоял на контрольном свете, Рудик не сразу распознал Олега Дикого.

— Слыши ты, клешня! — грубо обратился к нему Дикий. — Хочешь спокойно жить, держись подальше от моей тёлки, понял?

Рудик оценивающе смотрел на него, молчал.

— Ты чё, не понял? — повысил голос Олег. — Мне насрать, что тебя с ней посадили. Я сказал, не клейся к Алине, а то я тебе последнюю руку оторву!

Опять повисла пауза.

Олег ждал.

Рудик наконец открыл рот, пожевал губами.

— Да, ты большой и сильный парень, — произнёс он без всякого выражения своим скрипучим, напоминавшим несмазанный механизм голосом.

После чего потянул за рычажок, дал задний ход, ловко обогнал Олега и устремился к выходу.

Олег растерянно смотрел ему вслед, чувствовал себя абсолютно оплётанным. С этим уродом всё было как-то не так, сплошные непонятки.

Сзади подошла Тамара Станкевич. Нарисовалась почти беззвучно, незнамо откуда. То ли из туалета вышла, то ли сверху спустилась, из учительской.

Олег покосился на неё, надеялся, что она не слышала разговора.

— Чё ты ему брякнул? — спросила Тамара.

Он равнодушно пожал плечами:

— Да так, просто поздоровкался. Нужен он мне больно.

— А меня он чего-то пугает, — неожиданно призналась Тамара. — Я вообще калек не люблю. А с этим точно что-то не то. У меня прямо от него мурашки бегают.

— Да ты чё, — рассмеялся Олег, — нормальный парень, только безногий. И ещё руки нет, а так всё путём.

На самом деле прикрывал смехом смущение. Тамара сказала чистую правду, попала в десятку. Дело было вовсе не в Алине, а в том, что в присутствии Рудика он ощущал какую-то непонятную тревогу, смятение. Именно это его и раздражало предельно. Был бы чёртов Рудик здоров, он бы ему показал, а так что с ним сделаешь, с калекой, он и так на ладан дышит…

Вслух же сказал нарочито бодрым голосом:

— Не бзди, старуха! Тебе просто кажется. Не забивай голову.

— Да нет, — томно улыбнулась Тамара, — я с тобой, Олежек, ничего не боюсь.

Он отвёл глаза.

А чё, можно попробовать!

После вчерашнего успеха почему бы не рискнуть и с Тамаркой. Просто для сравнения.

Нашупал в кармане пачку освежающих таблеток «Холодок», достал её, небрежно сунул одну в рот, предложил Тамаре:

— Хочешь? Это мятные.

Та отказалась, мятные таблетки в её планы не входили, совсем других ощущений ей сейчас хотелось.

– Ой! – вдруг вскрикнула она. – Смотри, ты пуговицу потеряешь.
И, прежде чем он успел что-либо сказать, наклонилась, чтобы откусить нитку.

Рудик доехал до выхода, остановился.

Чуть развернул кресло, оглянулся, чтобы посмотреть, что делает Олег.

Тот был хорошо виден в глубине коридора, стоял, прислонившись к стенке, Тамара Станкевич (Рудик тут же узнал её) нагнулась, тесно прильнула к нему.

Тамара не спеша откусила нитку, снизу вверх посмотрела Олегу в глаза. Тот ответил долгим призывным взглядом. Больше она не раздумывала, выпрямилась, со вздохом облегчения впилась в его губы, закрыла глаза.

Олег ответил на поцелуй, был доволен, что успел пожевать таблетку, можно не опасаться, что она почувствует дурной запах.

Тамара, постанивая, целовала его всё сильнее, прижималась к нему всем телом, всё глубже засовывала ему в рот свой гибкий язык. Удивительно, что при этом она целовалась совсем по-другому, чем Алина, куда нежнее, мягче, не пыталась доминировать, наоборот, старалась сама раствориться в нём.

Олег тоже в истоме опустил веки, в паузе у него всё напряглось, одеревенело.

Поцелуй становился всё более продолжительным и страстным.

Неожиданно он получил мощный удар в лицо, голова дёрнулась, сильно ударились затылком о стену. Олег в изумлении открыл глаза.

Напротив, злобно оскалив зубы, стоял Саня Колосков, готовился врезать ему ещё раз. Но Олег уже опомнился, ответил резким хуком слева, потом тут же ударил справа, прямо в висок. Саня успел чуть отклониться, удар прошёл мимо. Они сцепились, повалились на пол.

Олег был выше, тяжелее, поначалу одолевал он, но затем Саня исхитрился как-то вывернуться, оказался сверху, безжалостно начал колошматить его, не разбирай куда бьёт.

Тамара стояла чуть в сторонке, с горящими глазами следила за дракой. На такой эффект она даже не рассчитывала, хотя и предполагала небольшую стычку. Знала, что Саня, не дождавшись её на стоянке, обязательно вернётся за ней в школу.

Олег всё-таки напрягся, сбросил Саню, вскочил, в бешенстве стал лупить его ногами.

Тот волчком вертелся на полу, прикрывая бритую голову.

Восхищённо следившая за дракой Тамара услышала чьи-то торопливые шаги, оглянулась. Подбежал Андрей Степанович Лаптев, сильным рывком отшвырнул Олега, поставил на ноги Саню.

Лицо у избитого превратилось в сплошное месиво. Он тяжело, порывисто дышал, не мог произнести ни слова.

Олег тоже был весь в крови, даже рубашка оказалась залита кровью. Один рукав почти оторвался, болтался на маленьком отрезке ткани. Он рванул его, оторвал окончательно, стал вытираять им лицо.

– Дикий, иди умойся! – приказал Лаптев.

– Он первый начал! – разбитыми губами проговорил Олег. – Я к нему не приставал!

– Иди, тебе говорят! – прикрикнул тренер. – Ты бы лучше на поле так выступал.

Саня нагнулся, выплюнул окровавленный зуб. Злобно повернулся к Олегу:

– Эт-т-о ещ-щё н-не к-конец!

Тамара подошла поближе, спросила невинным голосом:

– Чего ты хочешь, Саня? Ну чего ты завёлся?

– Я? – в бешенстве зыркнул глазами Колосков. – Ему ч-ч-ч-его, уже Ал-лины м-м-ало, д-да?

Тамара пожала плечами. Подумала про себя, что Саня с разбитой мордой и бешеными глазами выглядит сейчас очень даже *интересно*.

– Пусть тебя это не колышит, придурок! – проревел в ответ Олег. – И не зыркай тут на меня, а то я тебе глаз на жопу натяну! Идём, Тамара!

Он взял её за руку, она с удовольствием подчинилась:

– Пойдём, Олежек, я тебя умою!

Они пошли по коридору.

Это ещё больше взбесило Саню, он рванулся за ними, Лаптев еле успел перехватить его.

– С-сука! – выкатив глаза, орал им вслед Саня. – Коз-зёл упп-пакованный! Я теб-бя ещё сд-делаю!!!

Олег оглянулся, передразнил его.

Саня взвизгнул в истерике, забился в сильных руках тренера.

– Дикий! – на весь коридор закричал Лаптев. – Немедленно уходи! Иди, иди, не оглядывайся! И попробуй мне не появиться сегодня на тренировке! А ты, Колосков, пойдёшь со мной!

И, не отпуская Саню, потащил его в сторону лестницы.

Коридор окончательно опустел.

Рудик, наблюдавший всю эту красочную сцену, повернулся и выехал из дверей на залившую солнцем площадку.

7. Сумерки

На Приозёрск опустились сумерки. Дневное очарование ушло, городок наполнился таинственными тенями, серым маревом, тихими шорохами. С озера потянуло сыростью, бледный электрический свет стал то и дело вспыхивать в тёмных окнах.

Световая полоса пролегла и под гаражной дверью в доме Колосковых на улице Константина Скуратова, названной по имени когда-то родившегося в Приозёрске Героя Советского Союза. Что именно совершил Скуратов и когда, приозерчане толком не знали, никого это особо не заботило.

Гараж же Саня давным-давно переоборудовал в собственную студию, которая стала самым его любимым местом во всём доме. Разместил тут старый продавленный, не раз испытанный диван, повесил боксёрскую грушу. Здесь же стояли динамики, валялись две электрогитары, ударная установка, во всю стену красовался купленный за немалые деньги плакат из вестерна «Непрощённый» с любимым Саниным актёром Клинтом Иствудом.

Родители в очередной приезд повозмущались экспроприацией гаража, но в конце концов махнули рукой, Сане они ни в чём не отказывали. Тем более что в Приозёрске бывали редкими наездами, главным образом мотались по ближнему зарубежью, занимались бизнесом, о котором он имел весьма смутное понятие.

Саня сидел на диване, хмурый, раздражённый. Забинтованной рукой брал из миски лёд, прикладывал к разбитой, распухшей физиономии.

С улицы донёсся приближающийся звук мотоцикла, затих у самого гаража. В дверь кто-то постучал.

– Открыто! – крикнул Саня.

Одетая в чёрную куртку и кожаные штаны, вошла Алина Трушина, сняла шлем, беспокойно взглянула на Саню. Зрачки были сильно расширены, сама бледная, на верхней губе капельки пота.

– Привет!

Саня молча кивнул, отвёл глаза.

– Кто кого коцал, Санёк? Только без прогона!

Саня всё так же безмолвно пожал плечами, говорить был явно не расположен.

Алина нервно качнулась на каблуках, закусила губу. Была явно в сильно заведённом состоянии.

Саня это почувствовал, примиряюще предложил:

– К-курить б-будешь?

– Ты мне непонятки не гни! – разозлилась Алина. – Не хочу я курить! Я хочу знать, с чего у вас началось!

– У к-козла своего сп-проси! – огрызнулся Саня.

– Не напрягайся, я уже спросила.

Он вопросительно покосился на неё:

– Н-ну?

Она резко мотнула коротко стриженной головой:

– А ни хрена. Молчит. Не мечи икру, говорит. Говорит, я ему кайфолом устраиваю своими вопросами. А я чую, что-то не то... – Алина подошла поближе, тихим голосом попросила: – Чё было-то, Сань? Ну, колись!

Саня криво усмехнулся разбитыми губами:

– Н-ничё! С Т-т-тамаркой сосался, б-больше н-ничё. Я их засёк!

Голова у Алины мелко затряслась. Она была на грани истерики, еле сдерживалась.

— Я так и знала, — стучала зубами, как от озноба, заговорила она. — Вот блядун! А эту сучару я урою! Убью её! Сучка!

Алина повернулась к двери.

Саня тут же вскочил, преградил ей путь:

— Т-тамару не т-трогай! Она не п-при чём!

— Да пошёл ты!

Она сильно толкнула его, освобождая себе дорогу.

Саня пошатнулся, крепко схватил её за руку:

— П-п-прекрати! Я с н-ней с-сам разберусь! И с Дикарем т-тоже! Он мне з-зуб выбил!

Вон!

Он отпустил её руку, открыл рот, ткнул пальцем в зиявшую в верхней челюсти дырку от выбитого зуба.

Алина оглядела дырку, почему-то вдруг резко успокоилась, удовлетворённо кивнула:

— Ничё, тебе твои золотые вставят!

— Я ей п-подлянку устрою! — пообещал Саня. — Но сначала с Д-дикарем п-перетру! Мало не п-покажется!

— Чего ты прибурил, Санёк? — тихо, почти шёпотом, сказала она. — Остынь, нужна мне больно твоя дура! А с этим козлом это уж мои дела, понял?

Он ничего не ответил.

Оба стояли молча, как борцы перед схваткой, оценивающие смотрели друг на друга.

Света Коновалова бежала вдоль озера. На ней был голубой спортивный костюм «Адида», чёрные волосы завязаны в тугой хвост, ритмично болтавшийся при беге. Она очень любила эти свои пробежки, завела себе за правило непременно хоть полчаса, но только чтобы каждый день. Старалась делать это на закате, когда вода в озере золотилась, а на душе устанавливался удивительный покой, дневная накипь начисто сходила с неё.

Но сегодня Света припозднилась, пришлось бежать в сумерки, отчего какое-то неясное беспокойство владело ею. Возможно, потому, что вокруг никого не было, лес с каждой секундой всё темнел, птицы попрятались, смолкли насекомые. Опустившуюся тишину нарушали только готовившиеся к вечернему концерту лягушки, и какой-то одинокий собачий вой горестно доносился с того берега.

Света тяжело дышала, поглядывала по сторонам, невольно ускоряла бег. С озера тянулся туман, заволакивал тропинку, лез под куртку, холодил разгорячённое потное тело.

Она ещё прибавила ходу, с облегчением увидела на открывшейся полянке свой прислонённый к дереву велосипед. Выгнутый металлический руль тускло вырисовывался в серой мутни.

Света заставила себя перейти на шаг, постаралась успокоить дыхание. Подошла к велосипеду, и как раз в это мгновение ожила, зазвонил мобильник. Она невольно вздрогнула, вытерла испарину на лице, достала из кармана телефон.

Срывающимся голосом сказала:

— Аллё, аллё!

Телефон молчал, дышал как затаившийся зверёк.

У Светы перехватило горло.

Туман сгущался, подкрадывался, клубился вокруг неё. Сердце стучало от страха и ненависти к этому неизвестному придурику, изводившему её бессмысленными звонками.

Она отключила телефон, сунула его в карман, села на велосипед и что было сил нажала на педали.

Вымотанные тренировкой, одетые в одинаковую, купленную родительским комитетом форму, футболисты тяжело передвигались по полю, над которым ядовитым светом засияли фонари, ярко высветив измокшёные потные лица.

Тренер Андрей Степанович Лаптев с металлическим свистком во рту недовольно наблюдал за игрой.

— Эй, Дикарь, старайся больше пасовать, да? — раздражённо крикнул Арам Асланян Олегу.

Олег ничего не ответил — слишком устал.

Вместо него немедленно отреагировал Павло Горошевич.

— Слава богу, наконец-то у нас новый нефиговый тренер появился! — издевательским тоном объявил он. — А ко мне какие у тебя замечания, Арамчик?

— Греби отсюда, Горошевич! — запыхаясь, бросил подбежавший Геворк.

— Тебя забыть спросили! — задиристо ответил Павло. — Может, твой братан сам за себя скажет? Или ему слабо? Подбздеваешь, да, Арамчик?

— Не о чём мне с тобой говорить, — разозлился Арам. — Пословицу знаешь — не тронь говно, вонять не будет!

— Я тебе, сука черножопая, покажу говно! — мгновенно завёлся Павло. — У тебя сейчас между ног яичница будет!

— Ну, давай покажи, раз ты такой борзый!

Игра остановилась.

Арам сжал кулаки, напрягся, внимательно следил за каждым движением Горошевича. Тот пригнулся, легко, пружинисто двигался вокруг, переносил тяжесть с одной ноги на другую. Оба тяжело дышали — всё-таки тренировка шла уже полтора часа.

Остальные, включая Олега Дикого, подошли поближе, с удовольствием предвкушали драку, которой особую остроту придавала национальность обоих парней. Уж больно они были разные даже на вид: смуглый Арам с чёрными жгучими глазами и голубоглазый светловолосый Павло.

— Ну чё, очко играет? — осклабился Горошевич.

— Не гони мульку! Давай иди сюда! — отвечал Арам.

Павло сжал кулак и бросился вперёд.

Но ударить не успел — прямо перед ним вырос Лаптев, оглушительно засвистел в свой металлический свисток.

— Прекратить немедленно! — заорал он. — Дикий, это опять ты завёл?

— Я-то тут при чём, Андрей Степаныч! — возмутился Олег. — Я вообще тут не при делах. Это эти придурки, а совсем не я!

— Сам ты придурок! — тут же огрызнулся Павло.

— Я сказал, прекратить! — окончательно взбеленился тренер. — Надоели вы мне все до смерти, идиоты! Тренировка закончена. Дикий, ты в игре в субботу неучаствуешь!

— А я-то за что? — поразился Олег.

Но тренер уже шёл к раздевалке, не слушал.

— Чтоб не выступал много, — усмехнулся Горошевич.

— Заткнись, Павло!

Олег резко повернулся к нему. Тот стоял, нагло ухмылялся ему в лицо.

Нет, вторая драка за день — это будет слишком.

Олег выразительно сплюнул, развернулся и зашагал в раздевалку. Остальные, окончательно потеряв надежду на бесплатное развлечение, потянулись за ним.

Олег тщательно вымылся, обмотался полотенцем, вышел из душевой (новенькая душевая была очередным недавним достижением Погребного!). Сел на скамеечку, открыл свой шкафчик. Почти сразу же затрещал мобильник.

Он полез в карман джинсов, вытащил его наружу, посмотрел на определитель. Звонила Алина.

– Что, малыш? – коротко спросил Олег.

(Первый раз он так назвал её тогда, в тот вечер, после того как всё случилось, – так разговаривал крутой парень в одном французском фильме, – сейчас же как бы утверждал своё право на покровительственный тон.)

Она никак не отреагировала на это обращение, ответила так же лаконично:

– Поговорить надо.

Он взглянул на часы. Алина наверняка уже давно в кинотеатре, проверяет билеты вместе с Таней Родиной.

– Ты на работе?

– Ага.

– Ну и чего там?

– Ничего, я здесь долго базлать не могу. Последний сеанс сегодня в семь тридцать. Так что в десять могу запросто отсюда свалить. Подгребёшь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.